

О.В. Игнатьева*

ИСТОРИЯ ЖЕНСКОГО КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ: ПО МАТЕРИАЛАМ ЖЕНСКИХ АВТОБИОГРАФИЙ В РОССИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье ставится задача обозначить женский дискурс в коллекционировании в исторической ретроспективе, а именно – в России XVIII – начала XX вв. На материале воспоминаний автор исследует вопрос о том, чем являлось коллекционирование для русских женщин и как практики коллекционирования были связаны с женской самопрезентацией. Как полагает автор, модели женского коллекционирования менялись по мере изменения роли женщины в русском обществе в течение XVIII – XIX вв.

Ключевые слова: история России, частное коллекционирование, история женщин, автобиографии, гендерная идентичность

History of women's collecting through Russian female autobiographies of the XVIIIth – early XXth century. OKSANA V. IGNATIEVA (Perm State University)

The article is aimed at designating women's discourse in collecting in historical retrospective, namely, in Russia of the XVIIIth – early XXth century. Based on material from female memoirs, the author explores the issue of what collecting was for Russian women and how collecting practices were related to women's self-presentation. It is concluded that the models of women's collecting have changed as the role of women in Russian society evolved during the XVIIIth and XIXth centuries.

Keywords: Russian history, private collecting, women's history, autobiographies, gender identity

Отсчет гендерной истории искусства принято вести с знаменитого эссе «Почему не было великих художниц?» Линды Нохлин. Рассматривая вопрос о неравенстве женщин в искусстве, автор справедливо отмечает, что это объясняется не противодействием отдельных мужчин или неверием в себя отдельных женщин, а особен-

ностями мировоззрения и институциональных структур [5]. Так, миф о «Великом Художнике», сложившийся в эпоху романтизма, предписывал художнику маскулинные качества, и, соответственно, от женщин, которые начинали заниматься искусством, ожидалось проявление таких качеств, как целеустремленность, сосре-

---

* ИГНАТЬЕВА Оксана Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий Пермского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: ignatieva2007@rambler.ru

© Игнатьева О.В., 2020

доточенность, упорство и способность полностью отдавать себя своим идеям и своему ремеслу. Итогом подобного мировоззрения стала ситуация, когда женщины-художницы «почти без исключения, либо были дочерьми художников, либо – в основном в позднейшие эпохи, в XIX–XX вв. – имели тесные личные отношения с более крупными или более властными художниками-мужчинами» [5, с. 37].

Искусство, как и наука, очень тесно были связаны с практиками коллекционирования, особенно в тот период, когда публичных музеев еще не было или они только начали формироваться. С именами известных русских коллекционеров – Строгановых, Юсуповых, Третьяковых, Щукиных – мы хорошо знакомы, так как собранные ими коллекции представлены в музеях, проходят выставки, привлекающие внимание к их биографиям. Все это мужские коллекции в том смысле, что их собирали мужчины, исходя из культурных установок своего времени и личных стратегий самих коллекционеров.

Поэтому, с точки зрения гендерного дискурса в науке, возникает вопрос: возможно ли говорить о женском коллекционировании? Отличалось ли женское собирательство по своим практикам и мотивации от мужского? Проявлялась ли гендерная идентичность в коллекционировании?

В обзоре научной литературы по проблеме гендера в коллекционировании Р. Бэлк и М. Валлендорф отмечают, что женское собирательство не рассматривалось в качестве серьезного вида деятельности. Кроме того, существует противопоставление мужчины как коллекционера и женщины как потребителя [12]. Гендерные роли, усваиваемые в ходе социализации, приписывают мужчине такие качества, значимые для коллекционирования, как азарт, агрессивность, системность, рациональность, ориентация на реализацию себя во внешнем мире. Соответственно, и коллекционирование, как активная форма поведения, связывается с миром мужских занятий.

Р. Бэлк и М. Валлендорф, отталкиваясь от точки зрения, что коллекционирование тесно связано с процессом самоидентификации, а гендер является важной составной частью идентичности, приходят к утверждению, что гендер проявляется в процессе коллекционирования через смысл собирательской деятельности, выбор объектов для собирательства и разнонаправленное использование коллекций [12,

р. 241]. Авторы исследуют гендерные смыслы коллекционирования в современном обществе, взяв за основу материалы интервью с современными коллекционерами.

В данной статье ставится задача обозначить женский дискурс в коллекционировании в исторической ретроспективе, а именно, в России XVIII – начала XX вв. Стремясь услышать женский голос в истории, авторы привлекают, в том числе, источники личного происхождения (мемуары, дневники, воспоминания) и литературные тексты. В случае с историей женского коллекционирования необходимо отметить, что далеко не все женщины-коллекционеры оставили какие-либо эго-документы, проливающие свет на эту сторону их биографии. Тем не менее, в представленных в этой работе автобиографических текстах тема коллекционирования присутствует в большей или меньшей степени. Это, в свою очередь, позволяет отнести к коллекционированию как к одной из практик, представляющих гендер.

Первые женщины-коллекционеры в России

Коллекционирование появилось в России как европейская практика в начале XVIII в. Как и в других преобразованиях, в коллекционировании государство также первоначально играло ведущую роль, оно было частью государственной политики. Петр I инициирует появление Кунсткамеры, Екатерина II, демонстрируя преемственность политики, создает Эрмитаж, соревнуясь с другими монаршими домами за художественные коллекции и статус просвещенной монархии. При этом Петра I сложно назвать коллекционером в собственном смысле этого слова, поскольку коллекционирование предполагает личную мотивацию к собирательской деятельности. В случае же с Екатериной II мы наблюдаем разделение публичного и частного коллекционирования: наряду с хлопотами по созданию Эрмитажа, для себя императрица собирала антики и была этим процессом очень увлечена, о чем знали ее приближенные и старались угодить Екатерине II, привозя новые экспонаты в коллекцию [4].

В контексте темы статьи важен случай княгини Екатерины Романовны Дашковой (1743–1810), тем более что в ее воспоминаниях присутствует и тема коллекционирования. Несмотря на то, что она была сподвижницей Екатерины II, нельзя сказать, что отношения

между императрицей и Дашковой всегда были близкими. Овдовев очень рано и оставшись с детьми на своем попечении, Дашкова принимает всю ответственность за их воспитание и образование. Для аристократии в этот период важной частью образования становится путешествие, включавшее широкий спектр культурных практик – от воспитания светских манер и слушания лекций университетских профессоров до знакомства с музеями и формирования собственных коллекций.

Е.Р. Дашкова вместе с детьми, сыном и дочерью, отправляется в Grand Tour по европейским странам, описывая впоследствии это путешествие в своих мемуарах. Тема коллекционирования не является ведущей в этих воспоминаниях, но, тем не менее, Дашкова отмечает, что, например, в Неаполе она купила несколько картин, эстампов и скульптурных произведений, а благодаря посредничеству графа Марути приобрела две картины Каналетто. О собирании гравюр Е.Р. Дашкова говорит именно как о коллекции, «которая заключала образцы постепенного развития искусства во все периоды его истории» [2, с. 193].

С образовательными целями собиралась Дашковой и коллекция кабинетная, которая впоследствии была подарена ею Московскому университету: «...Кабинет содержал всего числом 15121 предмет: в том числе животных, натуральных и окаменелых 4805; растений сухих, плодов и проч. 765; камней и руд 7924; антиков – отпечатков 1636. Все пожертвование было оценено в 50000 рублей. Для помещения кабинета назначена была особая зала, которую должен был украсить портрет и имя благотворительницы. Вслед за тем княгиня Дашкова подарила Университету еще 332 предмета: это были драгоценные камни, физические инструменты, антики, оригинальные рисунки насекомых и значительная библиотека...» [11, с. 372].

Кроме того, зная об увлечении Екатерины II антиками, Дашкова вступала в посредничество и при покупке подобных собраний: «С удовольствием помогала я Байерсу в размещении его богатого кабинета “резных камней”, который он не хотел делить и продавать по частям. Екатерина по моей рекомендации купила его целиком» [2, с. 191].

Таким образом, пример Екатерины II и княгини Дашковой показывает, что появившейся в придворной среде практике коллекционирования следовали и женщины. Но это была особен-

ная ситуация, когда демонстрация маскулинности была одним из условий сохранения власти. Не случайно и в характеристике Дашковой подчеркивалась «та самая сила, которая рвалась к просторной жизни из-под плесени московского застоя, что-то сильное, многостороннее, деятельное, петровское, ломоносовское, но смягченное аристократическим воспитанием и женственностью» [1, с. 422]. А демонстрация женского начала проявляется у Дашковой не в отношении Другого (мужчины), а в отношении Екатерины II, когда последняя решила поручить ей руководство Академией наук. Дашкова пишет в воспоминаниях относительно письма-отказа, написанного императрице: «По самой своей природе, как женщина, я не могу руководить Академией наук». Однако по поводу присяги в Сенате замечает: «...Долг, обязательный для всех, не может обойти и меня; вот объяснение того единственного явления, что женщина находится в кругу вашего августейшего собрания» [2, с. 231].

Таким образом, изначально женское коллекционирование было прямым аналогом мужского и не имело ничего специфически женского.

«Никогда о женщинах не говорили так много, как в XIX веке» (С. Мишо)

В XIX в. коллекционирование перестает быть сугубо придворной практикой, в него включается сначала дворянство столичное, а потом и провинциальное. В дворянских усадьбах размещаются художественные и книжные собрания, появляется новый тип коллекций, связанный с так называемыми древностями.

Кроме того, в начале XIX в. «новые формы времяпровождения россиянок, казавшиеся поначалу лишь игрой в европейскую жизнь, постепенно стали ею самой. Это решительно изменило бытовой уклад и повседневность многих российских аристократок» [7, с. 147]. В эти новые формы уже входили не только практики чтения и письма, но и посещения музеев, хотя, к сожалению, «ни в одном из воспоминаний столичных жительниц не нашлось места для впечатлений от посещения музеев (в то время как мужчины фиксировали подобные события). Между тем известно, что женщины были среди посетителей Кунсткамеры или Оружейной палаты в Москве в конце XVIII в.» [7, с. 226].

В этот же период меняются представления о семейной жизни, возникают новые модели семейных отношений, связанных с большим

участием женщин в интеллектуальной деятельности мужчин, появляются различные типы гендерных соавторств в литературе и науке.

Этот процесс изменения роли женщины в обществе отражается и на появлении большего количества автобиографических текстов, в которых все значимее становится тема гендерной самопрезентации: «Женщины пишут, осуществляясь в акте письма; увидев себя в зеркале и Зазеркалье автотекста, они воссоздают себя, утверждая: “я есть, я пишу, значит – существую”» [8, с. 6].

Именно к этому времени относится появление первых воспоминаний, в которых тема коллекционирования напрямую пересекается с гендерной проблематикой. Так, А. Достоевская неоднократно отмечает в своих воспоминаниях, что женщинам ее поколения хотелось быть независимыми, прежде всего экономически. Она, по примеру многих девушек этого поколения, стремилась освоить профессию, получить работу и записалась на курсы стенографисток. Именно этот факт стал решающим для дальнейшего знакомства с Ф.М. Достоевским. Малоизвестным фактом в биографии А. Достоевской является коллекционирование ею марок. Поводом для начала собирательской деятельности стал разговор с Ф.М. Достоевским, который отвергал в женщинах ее поколения «какую-либо выдержку характера, какое-нибудь упорное и продолжительное стремление к достижению намеченной цели». Вот что она пишет: «Например, он один раз говорил мне:

– Возьми такую простую вещь, ну, что бы такое назвать? Да хоть собирание почтовых марок (мы как раз проходили мимо магазина, в витрине которого красовалась целая коллекция). Если этим займется мужчина систематически, он будет собирать, хранить, и если не отдаст этому знанию слишком большого времени и если и охладет к собиранию, то все-таки не бросит его, а сохранит на долгое время, а может быть, и до конца своей жизни, как воспоминание об увлечениях молодости. А женщина? Она загорится желанием собирать марки, купит роскошный альбом, надоест всем родным и знакомым, выпрашивая марки, затратит на покупку их массу денег, а затем желание в ней уляжется, роскошный альбом будет валяться на всех этажерках и в заключение будет выброшен, как надоевшая, никуда не годная вещь. Так и во всем, в пустом и серьезном – везде малая выдержка: сначала пламенное стремление и никогда – дол-

гое и упорное напряжение сил для того, чтобы достигнуть прочных результатов намеченной цели» [3, с. 104–105].

Как и в случае с женскими автобиографическими и литературными текстами, которые, по мнению исследователей, имеют всегда в качестве адресата Другого (мужчину), с коллекционированием у А. Достоевской складывается аналогичная ситуация. Стремясь доказать мужу личным примером, что женщина способна долгое время заниматься какими-то систематическими видами деятельности, она выбирает коллекционирование: «Этот спор меня почему-то раззадорил, и я объявила мужу, что на своем личном примере докажу ему, что женщина годами может преследовать привлекающую ее внимание идею. “А так как в настоящую минуту, – говорила я, – никакой большой задачи я пред собою не вижу, то начну хоть с пустого занятия, только что тобою указанного, и с сегодняшнего дня стану собирать марки”» [3, с. 105].

То есть получается, что и коллекционирование, и объект коллекционирования (марки) выбираются Достоевской в связи с примером, приведенным случайно в ходе разговора с мужем. Далее «на свои деньги» в первом же магазине она покупает альбом для наклеивания марок, дома с полученных писем марки перемещаются в альбом. Так началось увлечение, которым А. Достоевская занималась в течение сорока девяти лет (!). При этом в своем рассказе о коллекционировании марок она как будто оправдывается тем, что особых усилий для этого не прилагалось: «...Ни одна из марок не куплена на деньги, а или получена мною на письме, или мне подарена. Эту слабость близкие мои знают, и дочь моя, например, присылает мне письма с марками разной ценности. От времени до времени я хвалилась пред мужем количеством прибавлявшихся марок, и он иногда подсмеивался над этою моею слабостью» [3, с. 105].

Описание коллекционирования с точки зрения гендерной самопрезентации присутствует также в воспоминаниях княгини М.К. Тенишевой. Нужно отметить, что данные воспоминания чрезвычайно интересны как автогендерный текст, в нем явно присутствует женский голос, свидетельствующий и о непростых взаимоотношениях матери и дочери, раннем замужестве как попытке бегства в другую жизнь.

М.К. Тенишева периодически затрагивает тему социального и гендерного неравенства в искусстве, поскольку в ее биографии были по-

пытки, связанные с профессиональной карьерой певицы, затем поиски своего пути в живописи и, наконец, удачно сложившаяся история с работой художницы по эмали во Франции: «За границей художник или художница, имеющие средства и принадлежащие к известной среде, признаются и обществом, и художественным миром. Но в России, к сожалению, художественные круги враждебно относятся к людям, выходящим из другой среды, особенно обеспеченным, особенно женщинам. Женщине из общества очень трудно создать себе имя, пробить кору равнодушия, пристрастия или явной недоброжелательности. На нее смотрят как на тщеславную самодурку или подозревают, что труд ее исполнен чужими руками. А в своем кругу она проходит за чудачку, оригиналку, желающую позировать, ей не прощают ее стремлений и судят гораздо строже, нежели обыкновенных профессионалов...» [9, с. 186–187].

Выйдя замуж за князя В.Н. Тенишева, Мария Клавдиевна, как она отмечает, быстро обнаружила, что муж хотел в ней видеть «нарядную хозяйку, просто молодую, здоровую женщину». «Мои запросы к жизни, мои интересы, моя деятельность – не играли никакой роли в наших отношениях. Он ценил во мне только женщину, а не человека», – пишет она в воспоминаниях [9, с. 161].

Вместе с тем, как признается княгиня, она мечтала о том, чтобы «сделаться товарищем, сотрудником мужа, его помощницей, единомышленницей», но «муж во всем справлялся совершенно самостоятельно, и какие бы ни были у него затруднения, он запирался в своем кабинете на несколько часов, сам все решал» и в ее вмешательстве «не нуждался никогда» [9, с. 161].

Восприятие жены как «нарядной хозяйки» отражалось на том, что В.Н. Тенишев «охотно бросал деньги на туалеты, золотые вещицы, бриллианты, но почти не признавал, что у женщины могут быть и другие потребности...» [9, с. 161]. Эти потребности М.К. Тенишевой касались прежде всего искусства. Она собирала акварели, впоследствии выступала меценатом для журнала «Мир искусства» и в какой-то период увлеклась коллекционированием «русской старины». В отличие от А. Достоевской, собирательство марок которой не приводило к финансовым тратам, практики коллекционирования Тенишевой всегда были связаны с необходимостью материальной поддержки со стороны мужа. Денег требовала не только покупка

самых акварелей, но и экспертное и посредническое сопровождение этой деятельности со стороны А. Бенуа.

Миссия покровительства искусству, по мнению М.К. Тенишевой, оправдывала выбранную ею женскую стратегию по отношению к мужу: «Я шла к нему в кабинет просить денег, но, получив отказ, – вежливый, с поцелуем руки, – из просительницы превращалась в законодательницу, я требовала и говорила: “А я тебе говорю, что я так хочу. Прошу тебя, чтобы это было сделано...” На это он вставал, целовал меня и, жеманясь, отвечал: “Княгиня, ваше желание – мое желание”. И когда, сыграв роль капризной львицы, я, оскорбленная недостойной комедией, уходила от него, меня утешала мысль, что делаю это не для себя, а ради идеи» [9, с. 162].

Будучи человеком практичным, включенным непосредственно в экономическую жизнь России как промышленник, В.Н. Тенишев, судя по воспоминаниям княгини, и на коллекционирование искусства смотрел как на капитализацию. Траты жены представлялись ему необоснованными, что приводило к постоянным ссорам, и М.К. Тенишева решила свою разросшуюся коллекцию акварелей куда-нибудь определить таким образом, чтобы ее оценили «общество и сильные мира сего». В итоге при покровительстве принцессы Е.М. Ольденбургской прошла выставка в Обществе поощрения художеств, а затем часть акварелей русских художников была подарена в Русский музей Александра III [9, с. 137]. С точки зрения Тенишевой, эта выставка и тот факт, что коллекцию акварелей приняли в дар императорский музей, должны были служить подтверждением ее состоятельности в искусстве в глазах мужа.

Но настоящее призвание и увлечение ее в качестве коллекционера было связано с русской стариной, что, по воспоминаниям Тенишевой, вызывало полное отторжение у мужа: «Муж ненавидел старину, находил, что это решительно ничего не дает науке и, несмотря на свой ум, отрицал даже пользу древних вещей для восстановления картин старины. Меня же он всегда дразнил моей страстью коллекционерства. Сядь на какой-нибудь стул, он никогда не преминет, бывало, сказать:

– Ах, Боже мой, может быть, и садиться нельзя, может быть, кощунство прикасаться к нему?

Иногда он говорил:

– Уберите отсюда эту дрянь, это только заводит пыль и моль.

Или так:

– Боже мой, как противно жить в этой обстановке дряхлости и древности... Эта рухлядь говорит только о том, что наши деды не понимали ни комфорта, ни механики, ни логики...

Подобным выражениям и словам не было конца. Он всегда колотил меня этим, а деньги, потраченные на покупку старинных вещей, считал брошенными в огонь, и при этом всегда повторял:

– Что бы делали старьевщики, если бы не было таких самодурок, как ты?

Дошло до того, что я, желая избавиться от лишних пререканий, колкостей и споров, стала прятать все, что приобретала. Мои чуланы, комоды, чердаки, шкафы были складами моих сокровищ» [9, с. 182].

После смерти мужа в 1903 г. и решения вопросов с наследством, судя по воспоминаниям М.К. Тенишевой, начинается новый период ее увлечения русской стариной, когда не нужно было скрываться и прятать свои приобретения. Возникает новая задача – подарить коллекцию городу Смоленску, что и было в результате сделано.

Если в случае с Тенишевыми коллекционирование вызывало семейные ссоры и непонимание между супругами, то для Уваровых собирательство археологических древностей было одним из занятий, объединяющих семью.

Граф А.С. Уваров начал заниматься археологией в молодом возрасте и к моменту женитьбы на юной П.С. Уваровой (разница в возрасте между ними была 15 лет) уже был известен своими раскопками и работами по археологии.

В отличие от М.К. Тенишевой П.С. Уварова, в девичестве Щербатова, получила хорошее домашнее образование и росла в теплой семейной обстановке. Замужество было для нее не бегством, а открытием «нового чудного мира, с новыми взглядами не только на историю и искусство, но, откровенно говоря, и на всю жизнь. Стали близки и понятны занятия мужа, его увлечения, с одной стороны, наукой и искусством, с другой – красотами природы, которые так часто ничего не говорят нашим путешественникам» [10, с. 53]. Эти слова относятся прежде всего к долгому свадебному путешествию в Европу, в котором граф А.С. Уваров знакомил супругу с археологией, музеями и своими научными интересами.

После возвращения в Россию семья жила в имении Уваровых в Поречье. А.С. Уваров в

тиши кабинета занимался интеллектуальными трудами и писал исследование на тему влияния Византии на русское искусство, но в часы отдыха приглашал на «правильные раскопки», которые проводились в Карачарове, на Оке [10, с. 93].

К слову говоря, увлечение раскопками останется у графини П.С. Уваровой до эмиграции из России после 1917 г. Уже после смерти мужа она будет самостоятельно исследовать археологию Кавказа, писать работу, посвященную этой теме. Таким образом, можно сказать, что первой женщиной-археологом была графиня П.С. Уварова, наряду с Жанной Дьелафуа [6, с. 448–449].

Археологические коллекции графа Уварова росли, нуждались в обработке и систематизации, и в этом также, по словам П.М. Уваровой, она с детьми стремилась ему помочь, «нумеруя, наклеивая и прибывая [этикетки] в витринах и столах» [10, с. 92–93].

В 1864 г. А.С. Уваров открыл Московское археологическое общество, одним из направлений деятельности которого были археологические съезды, сопровождавшиеся выставками из частных коллекций. Одну из таких выставок в Чудовом монастыре посетил Александр II, и П.С. Уварова в своих воспоминаниях пишет о разговоре с императором и отношении к ее участию в делах мужа: «Государь любезно подошел ко мне с вопросом: “А что делает здесь молодая графиня?” – “Я помогаю мужу, ваше величество” – ответила я. “Разве муж ваш во всяком деле нуждается в вашей помощи?” – переспросил государь, улыбаясь. “Да, ваше величество, дело спорится, у мужа всегда лучше, когда жена его работает с ним” – ответила я. “Хорошо, отдам приказ, чтобы все жены помогали своим мужьям; может быть тогда, с вашей легкой руки, графиня, всякое дело пойдет у нас лучше” – ответил государь, улыбаясь, пожал мне и мужу руки, раскланялся с собравшимися посетителями и направился во Дворец» [10, с. 116].

Это одно из немногих высказываний в воспоминаниях П.С. Уваровой, которое в какой-то степени отражает ее отношение к женскому участию в научной деятельности. Второе высказывание описывает ситуацию, связанную с избранием Уваровой после смерти графа председателем Московского археологического общества: «Думается мне, что члены Общества не давали себе полного отчета в том, что они могли ожидать от меня, но, боясь ответственности

за бездеятельность Общества после кипучей и многосторонней работы мужа и не находя между собой человека свободного и работоспособного, как он, они решили, что я знакома как с техникой подготовки съездов и выставок, так и с провинциальными учеными и любителями, и что я довольно еще молода и предприимчива, чтобы работать по продолженной мужем тропе, и что наконец, если я окажусь неспособной, то всегда легче и для них покойнее... свалить вину на слабую, неспособную женщину. Я приняла председательство не потому, что считала себя достойной этого избрания, но потому, что хотелось продолжать начатое дело в том направлении, которое было дано ему мужем. Я поблагодарила избирателей, обещала быть Обществу «послужилицей» (древнее выражение, найденное мною на древнейшей пелене) и придерживаться направления, данного Обществу мужем» [10, с. 132].

П.С. Уварова, следуя гендерной роли соавтора в научной деятельности мужа, в воспоминаниях о деятельности на посту председателя подчеркивала свою роль как преемственную по отношению к тому, что создал А.С. Уваров, и это несмотря на то, что срок ее председательства был не меньшим, чем у графа Уварова, и на нее в том числе была возложена миссия проведения археологических съездов в Польше и Прибалтике, а также археологическое изучение Кавказа. Кроме того, П.С. Уварова была принята в Национальное общество антиквариата Франции и другие зарубежные научные общества.

Графиня Уварова много общалась с частными коллекционерами в различных губерниях по поводу организаций выставок к Археологическим съездам. И, кроме того, она возлагала особые надежды именно на коллекционеров в связи с необходимостью устройства музеев в провинции. Семейные археологические коллекции были переданы ею в Исторический музей, в день открытия которого ей было даровано звание статс-дамы [10, с. 146].

Таким образом, роль аристократа-мецената, покровительствующего науке, передающего свои коллекции научным обществам и музеям, стала «соавторской» в случае с А.С. и П.С. Уваровыми. После смерти А.С. Уварова само Московское археологическое общество, состоящее полностью из мужчин, избирает П.С. Уварову его председателем, а после взросления детей и вступления в права наследства она получает

коллекции. Если в случае с благотворительностью и покровительством в сфере образования роль женщины была легитимирована и даже предписана в элитарных кругах, то в отношении такой сугубо мужской профессиональной сферы, как наука XIX в., этот случай является исключением из правил.

Выводы

Сравнивая автобиографические тексты Е.Р. Дашковой, А.Г. Достоевской, М.К. Тенишевой и П.С. Уваровой, можно отметить, что коллекционированию в них уделяется неодинаковое внимание. В случае с Дашковой описание некоторых практик коллекционирования присутствует в рассказах о путешествии по Европе, которое, в свою очередь, вызвано необходимостью позаботиться об образовании детей, прежде всего сына. И в дальнейшем, оказавшись по велению Екатерины II на государственном поприще, у руководства Академией наук, Е.Р. Дашкова принимает ту роль, которая отводилась в подобных ситуациях аристократам-мужчинам – покровителя, в том числе и через дар своих коллекций для целей образования и науки.

Эта модель впоследствии реализуется графиней П.С. Уваровой, но в принципиально иной ситуации. С одной стороны, в течение XIX в. формируется новое видение женщины как соратницы, разделяющей интересы мужчины, становится возможным соавторство в разных его проявлениях – от литературного до научного творчества. Пример П.С. Уваровой как раз демонстрирует подобное соавторство в археологии и коллекционировании археологических древностей. И хотя в ее воспоминаниях проскальзывает гендерная тема, но скорее в ироничном звучании: она «снимается» превосходством социальным. Принадлежит к аристократическому кругу, имея самые высокие связи и покровительство и, вместе с тем, оказавшись в руководстве научного общества, П.С. Уварова считала важным «отстраивать» себя не от мужчин как таковых, а от разночинской интеллигенции, формирующей научную повестку. В этом смысле интересно ее рассуждение о старой и новой интеллигенции: «Под словом “интеллигенция” обыкновенно разумеют только “третье сословие”, т.е. людей, вышедших из более низшего положения и открывших себе путь в жизни своей энергией, настойчивостью, познаниями, но не “воспитанием”. Но ведь в России,

как, впрочем, и в остальной Европе, существует настоящая интеллигенция, т.е. дворянство, которое из рода в род воспринимает любовь и интерес к науке и искусству, и получая с малолетства необходимое воспитание, заслуживает не менее вышеназванного наименование “интеллигенции”» [10, с. 146].

Несмотря на то, что А.Г. Достоевская и М.К. Тенишева принадлежат к разным социальным слоям, их воспоминания демонстрируют близкую интерпретацию собственного увлечения коллекционированием. И в том, и в другом случае героини сталкиваются с мнением мужей о женском неравенстве и несостоятельности в тех видах деятельности, которые требуют целеустремленности, системности, и из стремления доказать обратное избирают коллекционирование. При этом А.Г. Достоевская в своем долгом увлечении филателией не зависела от финансовых возможностей своего мужа, использовала такие стратегии коллекционирования, которые можно было осуществлять без денежных вложений. В случае же с М.К. Тенишевой социальный статус диктовал публичные формы коллекционирования, в том числе создание музея, покровительство художникам и экспертам в разных областях. Поэтому Тенишева в своей автобиографии подчеркивает финансовую зависимость от мужа и тот факт, что коллекционирование не воспринималось князем Тенишевым как то, на что женщине стоило тратить средства и время. Возникает и такой вопрос: не являлось ли коллекционирование для Тенишевой формой гендерной самопрезентации именно в глазах мужа? Поскольку после его смерти и возможности самой решать вопросы как финансовые, так и касающиеся сферы деятельности, М.К. Тенишева передает свою коллекцию городу Смоленску и впоследствии реализует себя в художественном творчестве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герцен А.И. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова // Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 12. М., 1957. С. 361–422.
2. Дашкова Е.Р. Воспоминания княгини Е.Р. Дашковой, писанные ею самой / Пер. с англ. Г.Е. Благосветлова. Лейпциг: Э.С. Каспрович, 1876.
3. Достоевская А.Г. Воспоминания А.Г. Достоевской / под ред. Л.П. Гроссмана. М.; Л.: Государственное издательство, 1925.
4. Игнатьева О.В. Коллекционирование как способ репрезентации власти в России XVIII

века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 3. С. 21–30.

5. Нохлин Л. Почему не было великих художниц? // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000 / Под ред. Л.М. Бредихиной, К. Дипуэлл. М.: РОССПЭН, 2005. С. 15–46.

6. Перро М. Шаг вперед // История женщин на Западе: в 5-ти т. Т. 4. Возникновение феминизма: от Великой французской революции до Мировой войны. СПб.: Алетейя, 2015. С. 426–465.

7. Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М.: Ладомир, 1997.

8. Савкина И. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем. Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

9. Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. Воспоминания. М.: Захаров, 2002.

10. Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2005.

11. Шевырев С.П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогики Степаном Шевыревым: 1755–1855. М.: Университетская типография, 1855.

12. Belk, R. and Wallendorf, M., 2003. Of mice and men: gender identity in collecting. In: Pearce, S.M., 2003. Interpreting objects and collections. London: Taylor and Francis, pp. 240–253.

REFERENCES

1. Herzen, A.I., 1957. Knyaginya Ekaterina Romanovna Dashkova [Princess Ekaterina Romanovna Dashkova]. In: Herzen, A.I., 1957. *Sobranie sochinenii: v 30-ti t.* T. 12. Moskva, pp. 361–422. (in Russ)
2. Dashkova, E.R., 1876. *Vospominaniya knyagini E.R. Dashkovoï, pisannye eyu samoi* [Memoirs of Princess E.R. Dashkova, written by herself]. Leipzig: E.S. Kasprovich. (in Russ)
3. Dostoevskaya, A.G., 1925. *Vospominaniya A.G. Dostoevskoi* [Memoirs of A.G. Dostoevskaya]. Moskva; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. (in Russ)
4. Ignatieva, O.V., 2015. *Kollektsionirovanie kak sposob reprezentatsii vlasti v Rossii XVIII veka* [Collecting as a form of power representation in the XVIIIth century Russia], *Gumanitarnye*

issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke, no. 3, pp. 21–30. (in Russ)

5. Nochlin, L., 2005. Pochemu ne bylo velikikh khudozhnits? [Why have there been no great women artists?]. In: Gendernaya teoriya i iskusstvo. Antologiya: 1970–2000. Moskva: ROSSPEN, 2005, pp. 15–46. (in Russ)

6. Perrot, M., 2015. Shag vpered [A step forward]. In: Istoriya zhenshchin na Zapade: v 5-ti t. T. 4. Vozniknovenie feminizma: ot Velikoi frantsuzskoi revolyutsii do Mirovoi voiny. Sankt-Peterburg: Aleteiya, 2015, pp. 426–465. (in Russ)

7. Pushkareva, N.L., 1997. Chastnaya zhizn' russkoi zhenshchiny: nevesta, zhena, lyubovnititsa (X – nachalo XIX v.) [Private life of Russian women: bride, spouse, mistress (X – beginning of XIX century)]. Moskva: Lodomir. (in Russ)

8. Savkina, I., 2007. Razgovory s zerkalom i Zazerkal'em. Avtodokumental'nye zhenskie teksty v russkoi literature pervoi poloviny XIX veka [Conversations with the mirror and the looking glass. Autodocumentary female texts in Russian

literature of the first half of the XIXth century]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)

9. Tenisheva, M.K., 2002. Vpechatleniya moei zhizni. Vospominaniya [Impressions of my life. Memories]. Moskva: Zakharov. (in Russ)

10. Uvarova, P.S., 2005. Byloe. Davno proshedshie schastlivye dni [The past. Long gone happy days]. Moskva: Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh. (in Russ)

11. Shevyrev, S.P., 1855. Istoriya Imperatorskogo Moskovskogo universiteta, napisannaya k stoletnemu ego yubileyu ordinarnym professorom russkoi slovesnosti i pedagogii Stepanom Shevyrevym: 1755–1855 [The history of the Imperial Moscow University written to its centenary by the ordinary professor of Russian literature and pedagogy Stepan Shevyrev: 1755–1855]. Moskva: Universitetskaya tipografiya. (in Russ.)

12. Belk, R. and Wallendorf, M., 2003. Of mice and men: gender identity in collecting. In: Pearce, S.M., 2003. Interpreting objects and collections. London: Taylor and Francis, pp. 240–253.

